

А.В. Дубровин

Бурные дни Кавказа

*Изменение ментальности российских офицеров,
участвовавших в Кавказской войне*

Алексей Дубровин

**Бурные дни Кавказа. Изменение
ментальности российских
офицеров, участвовавших
в Кавказской войне**

«Издательские решения»

Дубровин А. В.

Бурные дни Кавказа. Изменение ментальности российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне / А. В. Дубровин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834627-9

Кавказская война занимает особое место в военной истории. Ее уникальные особенности оказали столь сильное влияние на российских офицеров, что у них произошло радикальное изменение ментальных установок, связанных с восприятием как сущности боевого противоборства, так и «мирной» жизни. Книга кандидата исторических наук А. В. Дубровина раскрывает многие малоизвестные факты и нетрадиционные стороны самой продолжительной войны России, позволяет взглянуть на прошлое глазами участников событий.

ISBN 978-5-44-834627-9

© Дубровин А. В.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава 1. Теоретико-методологические вопросы	17
1.1. Основные подходы к изучению ментальности	17
1.2. Особенности исторической среды	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**Бурные дни Кавказа
Изменение ментальности
российских офицеров,
участвовавших в Кавказской войне
Алексей Владимирович Дубровин**

© Алексей Владимирович Дубровин, 2016

© Захар Леонидович Власенко, дизайн обложки, 2016

© Ольга Валерьевна Глушко, иллюстрации, 2016

Корректор Захар Леонидович Власенко

ISBN 978-5-4483-4627-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Кавказская война занимает особое место не только в российской, но и, без преувеличения, в мировой военной истории. Победоносная на европейских просторах российская армия, разбившая «Великого» Наполеона и громившая лучшие войска Швеции, Пруссии, Персии и Турции, фактически на целое столетие увязла в покорении разрозненных кавказских народов.

И это неудивительно, ведь прославленной армии никогда не приходилось вести борьбу в таких специфических условиях. Экзотический кавказский регион шокировал и завораживал уроженцев бескрайних равнин. Могучие Кавказские горы превышали грозные Альпы, которые штурмовал непобедимый Александр Суворов. Немалые «сюрпризы» преподнес непредсказуемый климат региона. В то время как во многих горных районах летом нередко случались заморозки, на приморских равнинах даже в суровые зимы зеленели субтропические леса. Но самое главное – на Кавказе российским войскам противостоял особый противник – воинственные и свободолюбивые горцы, не знавшие о правилах «европейской войны» и не терпевшие над собой никакой государственной власти.

Природа региона, самобытная культура местных народов и особенности характера боевых действий оказали столь сильное воздействие на сознание российского военного сообщества, что в нем произошло переосмысление многих мировоззренческих установок, касающихся не только сущности военного противоборства, но и «мирной» жизни: межличностных взаимоотношений, эмоциональной культуры, нравов, материально-бытового обустройства. Все это привело к значительным изменениям ментальности участников событий.

В данной связи следует заметить, что проблема ментальности довольно популярна в современных исторических исследованиях. В отличие от традиционных работ она не нацелена на сухое, часто скучное, описание исторических фактов и процессов. Вместо этого, она рисует красочные картины повседневной жизни людей, воссоздает «дух ушедшей эпохи», стремится понять мысли и чувства людей минувших времен, взглянуть на мир глазами непосредственных участников событий.

Подобный подход очень важен в условиях существования неоднозначного восприятия Кавказской войны и противоречивых оценок деятельности ее участников. Так, в непосредственный период действия событий, противоборствующие стороны воспринимали ее как внешний конфликт, возникший между представителями различных политических и этнических сообществ. Для таких войн свойственно существование в общественном сознании упрощенных оценочных моделей, когда «свои» воины овеяны ореолом славы, а противоборствующая сторона воспринимается исключительно с негативной точки зрения. Однако после присоединения Кавказа к России некогда непримиримые противники оказались в одном политическом, социально-экономическом и культурном пространстве. Порой даже в самый разгар боевых действий им приходилось совместно сосуществовать. Казачьи станицы, русские села и города строились по соседству с горскими аулами, представители кавказской аристократии приобретали права российских дворян, создавались общие ярмарки. В результате постепенно налаживались мирные взаимоотношения, и происходил взаимовыгодный межкультурный обмен. Важным явлением стало заключение межнациональных браков. В результате в российском общественном сознании, особенно в политическом, Кавказская война стала во многом восприниматься как внутренний конфликт, который невозможно рассматривать в однозначных черно-белых тонах.

Подобная непростая ситуация довольно четко проявилась в интерпретации Кавказской войны в рамках отечественной исторической науки, когда при смене общегосударствен-

ных идеологических концепций радикальным образом изменялись характеристики событий и оценка деятельности их участников.

Условно процесс развития отечественной историографии по избранной теме можно разделить на три больших периода. Первый – так называемая «классическая историография» («имперская», «буржуазная», «дореволюционная»), охватывает XIX – начало XX вв. В основе научных исследований того времени лежал позитивистский подход, а идеологии – великодержавная имперская доктрина. В таких условиях дореволюционные историки рассматривали Кавказскую войну как реализацию прогрессивной цивилизаторской миссии России, что неизбежно приводило к идеализации российского офицерства. Причем на протяжении первой половины XIX в., когда ход противоборства складывался не в пользу «русского оружия», военно-политическая тематика находилась под негласным запретом цензуры, не допускавшей компрометации престижа государства и ее армии.

Всплеск общественного интереса к историческим изысканиям, связанным с событиями на Кавказе, произошел в результате громких побед конца 50-х – середины 60-х гг. XIX в., ознаменовавших окончательное присоединение региона. Война оказалась в центре внимания таких исследователей и участников войны как Р. А. Фадеев, Д. И. Романовский, В. А. Потто, С. С. Эсадзе¹, фактически заложивших основу дальнейшего изучения темы. Впервые в их работах нашли отражение сюжеты, связанные с ролью и деятельностью российского офицерского корпуса на Кавказе. В поле их внимания оказались описания событий и наиболее ярких личностей, а также характерные особенности войск, дислоцировавшихся на Кавказе.

Значимое место в дореволюционных изданиях занимали персонифицированные исследования, посвященные выдающимся военным деятелям². Авторами большинства из них являлись участники и свидетели происходивших событий. Однотипность структуры подобных работ, внимание, уделяемое описанию служебной деятельности, позволили выявить общие и уникальные черты российского офицерства на Кавказе, выделить причинно-следственные связи между исторической реальностью и особенностями личности.

При этом на общегосударственном уровне постепенно складывалась тенденция к «забыванию» «неудобной» войны. Это было вызвано как необходимостью инкорпорации кавказских народов в общероссийское пространство, так и непропорциональностью затрачиваемых сил и результатов войны. Одним из ярких проявлений этой политики стало ограниченное запечатление памяти о войне в монументальном наследии. Даже русско-персидские и русско-турецкие войны XIX в., длившиеся в совокупности менее двух столетий, были «удостоены» гораздо большим количеством различных памятников, причем воздвигались они преимущественно благодаря местным инициативам и на общественные средства³. Совсем незначительно по сравнению с другими войнами того времени отмечались юбилеи знаменательных событий Кавказской войны.

¹ Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860; Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война: Публичные лекции, читанные в зале Пассаж в 1860 году. СПб., 1860; Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: в 5 т. СПб., 1887—1889; Эсадзе С. С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Историч. очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. Тифлис, 1914.

² [б.а.]. Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова. СПб., 1863; Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815—1879. Т.1—3. М., 1888—1891; Слепцов В. А. Один из кавказских героев // Исторический вестник. 1901. №12. С. 950—969; Захарьин И. Н. (Якунин). Кавказ и его герои. Кн.1. Святыни, богатства и народы. СПб., 1902 и др.

³ См: Лапин В. Кавказская война XVIII – XIX веков в исторической памяти // Россия XXI. 2007. №6. С. 83—101.

Памятник Александру II на месте его встречи с делегацией горских старейшин около станции Царской (ныне станция Новосвободная). Литография XIX в.

При таком подходе в немногочисленных работах, посвященных проблемам Кавказской войны, российские офицеры представлялись завоевателями, сознательно и последовательно поддерживающими колониальную политику Российской империи. Серьезной переоценке подверглись знаковые фигуры «покорения Кавказа». Так, слава А. П. Ермолова как героя Отечественной войны 1812 г. была позабыта из-за его жестокости на Кавказе. Даже из биографии великого А. В. Суворова часто вычеркивались страницы, связанные с изгнанием ногайцев из прикубанских степей. Практически полностью были уничтожены монументальные памятники, прославляющие «героев» войны и боевые подразделения российской императорской армии.

В условиях формирования официальной концепции «дружбы и сотрудничества народов советского многонационального государства» происходило постепенное забвение Кавказской войны и сосредоточение внимания на менее острых вопросах кавказской истории. В центре внимания оказались темы, направленные на описание дружеских отношений между народами России и Кавказа, основанных на классовой солидарности, взаимном торгово-хозяйственном, культурном и бытовом общении, межэтнических браках⁴. Примечательно, что созданная в это время фундаментальная монография Н. И. Покровского⁵, имевшая серьезную документированность и обоснованность выводов, была опубликована лишь спустя полвека.

Третий – современный период развития отечественной историографии, начавшийся с 1990-х гг. и продолжающийся до настоящего времени, совпадает с кардинальными изменениями не только в политико-идеологической сфере нашей страны, но и в теоретико-методологических основаниях исторических исследований. В сложившейся политической и интеллектуальной ситуации история Кавказской войны как бы открывается заново: публикуются монографические исследования⁶, появляются специальные работы по историографии⁷, разворачиваются научные дискуссии⁸.

⁴ Покровский М. В. Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп, 1957; Чекунов С. А. Из истории меновой торговли с горскими народами Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в. // История Карачаево-Черкесии. Вып. 6. Ставрополь, 1970. С. 272—298; Гриценко Н. П. Истоки дружбы (из истории экономических, культурных связей и дружбы чеченского, ингушского народов с великим русским народом и народами Кавказа). Грозный, 1975 и др.

⁵ Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.

⁶ Халилов А. М. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Шамиля.

Важной особенностью современного этапа развития отечественной историографии стало формирование крайних позиций в оценках практически всех сущностных характеристик Кавказской войны. Часть исследователей считали и считают, что для народов Северного Кавказа был возможен самостоятельный путь развития: образование государственности у отдельных этнических групп, отмечая, что для этого были потенциальные предпосылки. Позиции других исследователей диаметрально противоположны: при всей трагичности войны, утверждают они, именно она, вернее ее последствия, вывели народы Северного Кавказа из устойчивой, углубляющейся стагнации. Исходя из этих подходов, варьируется и морально-нравственная оценка российской армии. Однако в целом она сводится к признанию ее роли как исполнительнице имперских планов России.

Тем не менее, последовательное углубление в историю Кавказской войны все более расширяет исследовательское пространство этого многофакторного явления, внося принципиально значимые коррективы в сложившуюся научно-исследовательскую ситуацию. В частности, усиливается интерес к судьбам людей, участвовавших в войне, их психологическому состоянию. Настоятельной становится потребность отхода от «бледных абстрактных схем» и «воскрешения людей»⁹.

Таким «противоядием» стала история ментальностей, благодаря которой произошло осознание того, что это новое направление исторической науки, способно раскрыть многие ранее скрытые пласты истории Кавказской войны. В исследованиях М. М. Блиева, Я. А. Гордина, В. В. Дегоева, В. В. Лапина¹⁰, несмотря на доминирование военно-политического подхода, наметилось стремление осмыслить войну через призму этнокультурных особенностей участников, понять их мысли и чувства. Открывая по-новому роль человека, влияние его личностных качеств на ход военных действий на Кавказе, они считают необходимым изучение с этих

Махачкала, 1991; Дегоев В. В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30—60 годов XIX в. Владикавказ, 1992; Он же. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2002; Он же. Кавказ и великие державы, 1829—1864 гг.: политика, война, дипломатия. М., 2009; Пылков О. С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX в.). Армавир, 2011 и др.

⁷ Дегоев В. В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). М., 2000. С. 225—250; Денисова Н. Н. Колонизация Северо-Западного Кавказа: историографический аспект // Информационно-аналитический вестник. Вып. 6, 7. Майкоп, 2003. С. 184—195; Черноус В. В. Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20—50 годах XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. 2003. №1. С. 50—64 и др.

⁸ Думанов Х. М. К вопросу о периодизации Кавказской войны // Черкессия в XIX в.: Материалы 1-го Кошехабльского форума «История – достояние народа». Майкоп, 1991. С. 37—41; Дзидзоев В. К вопросу освещения в современной печати народно-освободительной борьбы черкесов Кавказа в XIX веке: Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24—26 окт. 1990. [Нальчик] // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы Мухаджирства / Кабардино-Балкарское НИИ Истории, филологии и экономики при Кабинете Министров КБР. Нальчик, 1994. С. 160—170; Куценко И. Я. Кавказская война и проблемы преемственности политики на Кавказе // Черкессия. №1. Черкесск, 2002. С. 113—138; Клычников Ю. Ю. К одному из вопросов итогов Майкопской конференции «Кавказская война: Уроки истории и современность» (2004) // Археология, этнография и краеведение Кубани. Армавир, Краснодар, 2005. С. 53—55; Лапин В. Кавказская война XVIII – XIX веков в исторической памяти // Россия XXI. 2007. №6. С.82—101; Кавказская война в пространстве исторической памяти. К 145-летию окончания Кавказской войны. Исторические чтения / Ред. Э. А. Шейден. Отв за вып. Н. А. Почешхов. Майкоп, 2010 и др.

⁹ Ле Гофф Ж. Ментальности: двусмысленная история // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / Сост. Е. М. Михина. М., 1996. С. 41.

¹⁰ Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М., 1994; Дегоев В. В. Три силуэта Кавказской войны: А.П.Ермолов, М. С. Воронцов, А. И. Бяратинский // Звезда. 2000. №9. С. 138—163; Он же. Пасынки славы: человек с оружием в буднях Кавказской войны // Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе... С. 205—232; Лапин В. В. Национальные формирования в Кавказской войне // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия». Исторические чтения. СПб., 2001. С. 108—125; Он же. Воспоминания солдата // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия» ... С. 340; Он же. «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия...». Военные планы покорения Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. / Сост. Я. А. Гордин, В. В. Лапин, Г. Г. Лисицына, Б. П. Миловидов. СПб., 2005; Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь: Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000; Он же. Русский человек на Кавказе. Предварительные заметки о кавказской утопии // Звезда. 2002. №7. С. 164—174; Он же. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб., 2008 и др.

позиций настроений и моделей поведения не только выдающихся военачальников, но и простых офицеров и солдат.

Особое значение для осмысления избранной темы имела монография В. В. Лапина, посвященная особенностям российской армии, участвовавшей в Кавказской войне¹¹. В отдельном разделе, нацеленном на изучение командного состава, подчеркивается обособленный характер идентификационной системы офицеров-«кавказцев», имеющих специфические материальные и мировоззренческие установки, не столь выраженные у остальных представителей российских военных, дислоцировавшихся в других регионах империи.

На новый уровень осмысления в современный период вышли персонифицированные исследования, посвященные наиболее известным военным деятелям Кавказской войны. Они нашли отражение в специальных монографиях¹², научно-популярных изданиях¹³ и обсуждались на научных конференциях¹⁴.

Заметным историографическим явлением последних десятилетий стало появление статей, посвященных мировоззренческим и поведенческим особенностям офицеров, принадлежащих к различным этнокультурным общностям¹⁵. Рост национального самосознания побудил северокавказских историков к изучению офицеров-«земляков», сыгравших важную роль в исторических процессах на Кавказе¹⁶.

Заслуживают внимания подходы к оценке Кавказской войны в исследованиях Э. А. Шеуджен¹⁷. Автор анализирует особенности отображения исторической реальности участниками войны, ее влияние на трансформацию исторической памяти народов, опреде-

¹¹ Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб., 2008.

¹² Шишов А. В. Полководцы кавказских войн. М., 2003; Муханов В. М. Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. М., 2007; Маркелов Н. В. Кавказские силуэты. Пятигорск, 2008 и др.

¹³ Коломиец А. Александр Барятинский // Родина 1994. №3—4. С. 46—48; Кухарук С. Николай Евдокимов // Родина. 1994. №3—4. С. 62—64; Луночкин А., Михайлов А. Григорий Засс и Яков Бакланов // Родина. 1994. №3—4. С. 91—96; Экштут С. Алексей Ермолов // Родина 1994. №3—4. С. 30—35; Он же. Николай Раевский // Родина. 1994. №3—4. С. 40; Виноградов В. Б. «Отступления со мной нет, не было и не будет...» (Генерал Г. Х. Засс) // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). М., 2000. С. 150—157; Клычников Ю. Ю. Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе (1816—1827) // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). М., 2000. С. 72—83; Мальцев В. Н. И. В. Гудович на Кавказе // Диалоги с прошлым: Исторический журнал / Отв. ред. Р. А. Тлепцок. Майкоп, 2012. №7. С. 69—74 и др.

¹⁴ Плаксина О. А. Образ генерала Г. Х. Засса в романе Хамар-Дабакова «Проделки на Кавказе» // Историческое регионоведение – вузу и школе: Материалы пятой региональной научно-практической конференции. Славянск-на-Кубани, 1997. С. 52—53; Муханов В. М. Кавказская война через призму персональной истории генерала Н. И. Евдокимова // Российское общество: Историческая память и социальные реалии. Материалы межрегиональной научно-практической конференции XIV Адлерские чтения-2008. 2008. С. 183—185; Колосовская Т. А. «Это была война не генеральская»: исторические силуэты офицеров Отдельного Кавказского корпуса // Антропология конфликта и мира в культуре народов юга России, Кавказа: материалы II Всероссийской научно-практической конференции / Министерство культуры Краснодарского края, науч.-исслед. центр традиционной культуры ГБНТУК КК, Кубанский казачий хор; науч. ред., сост. Н. И. Бондарь, А. И. Зудин. Краснодар, 2014. С. 142—150.

¹⁵ Самойлова С. В. Европейец на Кавказе // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1995. №4. С. 45—56; Олейников Д. И. Человек на разломе культур (Особенности психологии русского офицера-горца в период Большой Кавказской войны) // Звезда. 2001. №8. С. 95—99; Лукирский А. Н. «Русские» полки в восприятии кавказских войск // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2006. С. 249—256; Саблин Д. В. В плену иллюзий: образы Кавказа и горцев в русском общественном сознании XIX в. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2006. С. 53—72 и др.

¹⁶ Мальцев В. Н. Источники о воинских формированиях западных адыгов на Русской службе в годы Кавказской войны // Вопросы теории и методологии истории: сборник научных трудов. Выпуск 4. Майкоп. 2003. С. 136—143; Казаков А. В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры середина XVI – начало XX вв. Нальчик, 2009; Брацун Е. В. Кавказская война XIX столетия в судьбе адыгского (жанеевского) офицерского рода Гусаровых // Антропология конфликта и мира в культуре народов юга России, Кавказа: материалы II Всероссийской научно-практической конференции / Министерство культуры Краснодарского края, науч.-исслед. центр традиционной культуры ГБНТУК КК, Кубанский казачий хор; науч. ред., сост. Н. И. Бондарь, А. И. Зудин. Краснодар, 2014. С. 151—163 и др.

¹⁷ Шеуджен Э. А. Кавказская война в пространстве исторической памяти. К 145-летию окончания Кавказской войны. Майкоп, 2009; Она же. Кавказская война: трудные пути памяти // Шеуджен Э. А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. Москва-Майкоп, 2010. С. 91—127.

ляет взаимонепонимание противоборствующими сторонами позиций и мировосприятия друг друга.

Работы региональных исследователей в наибольшей мере сумели отразить уникальные материальные особенности военного быта на Кавказе. Глубокому осмыслению подверглись массовые заимствования различных элементов культуры горцев – в оружии, одежде, снаряжении, и, что особо примечательно, в духовной сфере – обычаях, традициях, нормах морали, моделях военной и бытовой жизнедеятельности¹⁸.

Созданы и первые диссертационные исследования, посвященные анализу отдельных проблем российского офицерства на Кавказе: материальным аспектам военно-бытовой повседневности, психологии комбатантов, оценке Кавказской войны современниками¹⁹.

Проведенный обзор свидетельствует о необходимости дальнейшего углубления наших знаний об особенностях ментальности участников Кавказской войны, как нового, слабо зависящего от политической конъюнктуры подхода для более полного восприятия неоднозначных событий прошлого.

Важнейшей частью научно-исследовательской работы является привлечение разносторонней источниковой базы. Характер исследуемой темы, ее ориентированность на ментальные процессы, потребовали особого подхода к формированию источниковой базы, в основу которой были положены источники личного происхождения, созданные непосредственно участниками Кавказской войны. Источники подобного вида способны восстановить атмосферу эпохи, передать свидетельства по широкому комплексу наблюдений, впечатлений, рассуждений. Кроме того, они содержат важные детали, которые отсутствовали или искажались в официальных документах или средствах массовой информации, способствуя раскрытию неявных пластов восприятия исторической реальности²⁰.

Комплекс источников личного происхождения, непосредственно связанный с Кавказской войной, условно можно разделить на несколько групп: «мемуары», представленные «воспоминаниями», «записками» и «заметками», воспроизводящие в свободном стиле переживания и мысли авторов о происходивших событиях; «интервью-рассказы», собранные у участников событий писателями и журналистами; «дневники», фиксирующие события в строгой хронологической последовательности; разнообразная «межличностная переписка». К числу источников личного происхождения были отнесены также стихи, повести, рассказы участников событий, в литературной форме отразившие восприятие исторической реальности.

Важно подчеркнуть, что в работе привлекались источники, принадлежащие перу основных категорий офицеров и охватывающие различные этапы войны. Использовались также рассказы, оставленные простыми солдатами, а также записки путешественников и иностранцев, сражавшихся на стороне горцев. В целом были привлечены источники, созданные почти сотней авторов.

Основная часть материалов подобного рода была опубликована после завершения Кавказской войны. Великий князь Михаил Николаевич (брат императора Александра II), будучи

¹⁸ Матвеев О. В., Фролов Б. Е. Униформология и оружиеведение в кавказском контексте: Отдельный Кавказский корпус (1801—1857) // Историческое регионоведение – вузу и школе: Материалы пятой региональной научно-практической конференции. Славянск-на-Кубани, 1997. С. 54—57; Дмитриев В. А. Типология русско-северокавказских заимствований в материальной культуре // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия» ... С. 58—68; Ивахненко А. С. Обмундирование и снаряжение русских регулярных войск в Кавказской войне 1817—1864 гг. // Информационно-аналитический вестник. Вып. 4. Майкоп, 2001. С. 186—199; Скиба К. В. Вооружение полков армейской пехоты, несших службу на Кубанской линии в начале XIX в. // Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы 12 всероссийской международной конференции. Краснодар, 2004. С. 38—39 и др.

¹⁹ Солдатов С. В. Кавказская война 1817—1864 гг. в оценке современников: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Челябинск, 2004; Нечитайлов М. В. Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817—1864 гг.): материальный аспект: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ставрополь, 2005; Салчинкина А. Р. Кавказская война 1817—1864 гг. и психология комбатантства: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Краснодар, 2005 и др.

²⁰ Пушкарев Л. Н. Источники по изучению менталитета... С. 319—333 и др.

наместником на Кавказе, обратился с просьбой к ветеранам присылать в редакцию «Кавказского сборника» свои воспоминания о боевой службе, чтобы «ожитворить дух русской армии и русского народа и служить примером для потомства»²¹. В результате в период с 1876 по 1911 гг. был издан 31 том, содержащий более 150 работ, большинство из которых являются воспоминаниями, посвященными Кавказской войне. Материалы о событиях на Кавказе систематически публиковались на страницах и других периодических изданий («Кавказ», «Кавказский вестник», «Кавказский календарь», «Военный сборник», «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник», «Старина и Новизна», «Русский инвалид», «Санкт-Петербургские ведомости» и др.), некоторые из них издавались даже за рубежом.

Многих офицеров к изданию воспоминаний «подталкивало» стремление дополнить или скорректировать сведения об известных событиях, описанных другими авторами. Большинство материалов создавалось целенаправленно для публикации и, как правило, проходили тщательную редакцию авторов. Воспоминания и записки составлялись обычно спустя продолжительное время после описываемых событий на основе дневниковых записей, личных архивов и рассказов сослуживцев. При этом многие офицеры активно использовали военную документацию. В то же время происходило расширение личных воспоминаний за счет дополнительной информации из других источников, в том числе воспоминаний сослуживцев: тем самым создавалась более насыщенная картина прошедших событий.

При работе с данными источниками необходимо учитывать, что тщательная подготовка рукописей к изданию, стремление выполнить «социальный заказ» не могли не сказаться на содержании: авторы, как правило, стремились избегать негативных эпизодов, что значительно изменяло не только эмоциональную окраску восприятия, но и искажало отображение исторической реальности.

Не меньшее значение имело выяснение личности автора, учитывая, что значительное число офицеров публиковали свои работы анонимно или использовали псевдонимы. В результате нередко одни и те же воспоминания публиковались под разным авторством. В частности, в процессе обработки источников было установлено, что материалы «Из дневника Кавказца», опубликованные в 1897 г. в «Кавказском сборнике», а затем переизданные в 2000 г. в сборнике «Осада Кавказа» под псевдонимом «П.К.», принадлежат Н. Н. Стреллоку, издавшему в 1870 г. в «Военном сборнике» работу «Из дневника старого кавказца»²².

Особую ценность для исследования представляют дневниковые записи. Регулярный характер ведения записей позволил в ряде случаев восстановить хронологическую последовательность событий, воссоздать будничную повседневность жизни офицеров, некоторые интимные подробности переживаний, как правило, отсутствующие в других источниках. В этом плане особенно интересными оказались личные дневники Д. И. Лукомского и Н. В. Симановского. Они не предназначались авторами для публикации и были введенные в научный оборот более чем через сто пятьдесят лет со дня их составления²³.

Одним из самых многогранных источников личного происхождения является переписка, представленная эпистолярным наследием Е. Басина, А. А. Бестужева-Марлинского, Э. В. Бриммера, М. С. Воронцова, М. Ю. Лермонтова и др.²⁴ В отличие от «воспоминаний»

²¹ Кавказский сборник. 1876. №1. С. 1.

²² Стреллок Н. Н. Из дневника старого кавказца // Военный сборник. 1870. Т. 40. №11. С. 189—242; П. К. Из дневника дагестанца 1859 // Осада Кавказа... С. 556—588.

²³ Симановский Н. В. Дневник. 2 апреля – 3 октября 1837 г., Кавказ // Звезда. 1999. №9. С. 184—216; Лукомский Д. И. Дневник. 1850 // Звезда. 1998. №7. С. 137—158 и др.

²⁴ Басин Е. Другое письмо из Грузии в Тотьму. Марта 19-го дня, 1805 года, Анаур // Вестник Европы. 1805. Ч. 22. Июль №15. С. 66—70 // Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю. Извлечения из «Вестника Европы» (1802—1918 гг.) / Сост. Р. А. Тлепчок, ред. Э. А. Шеуджен. М., 2010. С. 33—35; Бестужев-Марлинский А. А. Письма // Трудные годы: Декабристы на Кавказе / Сост. В. А. Михельсон. Краснодар, 1985. С. 132—169; Бриммер Э. В. Победа при Башкадикляре (19 Ноября 1853). Частное письмо // Русский архив. №9. 1904. С. 125—137; Воронов Н. Черноморские письма // Русский вестник. 1857. №1.

и «записок» они изначально не подразумевали публичного оглашения, а потому вобрали в себя свидетельства, раскрывающие скрытые пласты ментальности. В них можно найти мнения авторов по самому широкому спектру вопросов.

К особому виду источников личного происхождения были отнесены стихи, песни, рассказы, повести, художественно стилизованные воспоминания офицеров (А. А. Бестужева-Марлинского, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого и других), в яркой и образной форме отразившие эмоциональную сторону восприятия окружающей действительности²⁵.

Важно отметить, что, несмотря на объем и разнообразие источников личного происхождения, проанализированных в данной работе, их значимость и информативность, учитывая присущий им субъективизм оценок, возникла настоятельная потребность привлечения источников других видов: законодательных актов, делопроизводственной документации, статистических источников, извлеченных из архивных коллекций и тематических сборников.

Законодательные акты позволили осмыслить существовавшее в Российской империи отношение к армии как важнейшей государственной структуре, понять систему управления и регламентации практически всех сфер жизнедеятельности, в первую очередь, взаимодействие между ведомствами, военнослужащими, командирами и подчиненными²⁶.

Не меньшее значение имеют материалы делопроизводства: приказы, высочайшие повеления, замечания, записки, отношения, предписания, именные указы, рапорты²⁷. Данная катего-

С. 71—74; №2. С. 87—94; №3. С. 180—186; Воронцов М. С. Письмо к Д. В. Арсеньеву. Цинвал. 30 декабря 1804 г. // Архив князя Воронцова. Т. 36. М., 1890. С. 81—83; Лермонтов М. Ю. Письмо к А. А. Лопухину. 12 сентября 1840 г. Пятигорск // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. Проза. Письма. М., 1984. С. 449—450; Цицианов П. Д. Письмо к В. Н. Зиновьеву. 29 января 1805 г. // Русский архив. М., 1872. №11. С. 2170—2172.

²⁵ Бестужев-Марлинский А. А. Повести / Сост. В. И. Кулешова. М., 1986; Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. Проза. Письма. М., 1984; Толстой Л. Н. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 1. М., 1984; Филимонов [б.и.]. Чир-Юртский Монастырь // Богуславский Л. История Апшеронского полка. 1700—1892. Т. II. СПб., 1892. С. 107—108 и др.

²⁶ Военный устав с Артикулом военным, при котором приложены толкования, также с кратким содержанием процессов, экзерцициею, церемониями, и должностями полковых чинов. СПб., 1748; Награды и преимущества при отставке офицеров [извлечение из Свода Военных Постановлений. Часть II. Книга II, ст. 469—479] // Карманная справочная книжка для русских офицеров / ред. Д. А. Милютин. СПб., 1856. С. 136; Порядок ревизии военно-судных дел, степень власти в решении этих дел и исполнение приговоров [извлечение из Свода Военных Постановлений. Часть V. Книга II, ст. 579—313] // Карманная справочная книжка... С. 271—272; Производство в первый офицерский чин [извлечение из Свода Военных Постановлений. Часть II. Книга I, ст. 503—572, приказ военного министра. 1851 г. №53, 1853 г. №61 и 96] // Карманная справочная книжка... С. 82—86; Роды наказаний по военно-уголовному уставу [извлечение из Свода Военных Постановлений. Часть V. Книга I] // Карманная справочная книжка... С. 268—271 и др.

²⁷ Приказ генерал-лейтенанта П. Х. Граббе по войскам левого фланга, от 16 мая 1839 г. №8 // АКАК (АКАК). Т. 9. Ч. II. Тифлис, 1884. С. 241; Приказ генерал-лейтенанта маркиза Ф. О. Паулуччи от 11 октября 1810 г. // Берже А. П. Командиры Кавказской армии в их приказах. 1804—1828 // Русская старина. 1886. №5. С. 372; Приказ генерал-лейтенанта маркиза Ф. О. Паулуччи от 18 ноября 1810 г. // Берже А. П. Командиры Кавказской армии... С. 374; Приказ генерал-лейтенанта маркиза Ф. О. Паулуччи от 8 января 1811 г. // Берже А. П. Командиры Кавказской армии... С. 375; Приказ майора [б.и.] Мызникова от 19-го января 1844 г. // Берже А. П. Командиры Кавказской... С. 382; Приказ Н. Н. Раевского по Черноморской Береговой линии, от 16 декабря 1840 г. №15 // Архив Раевских / Изд. П. М. Раевского; ред. Б. Л. Модзалевского. Т. III. СПб., 1910. С. 586—591; Высочайшее повеление генералу А. П. Ермолову, от 19-го апреля 1819 года // АКАК. Т. 6. Ч. 1. Тифлис, 1874. С. 487—489; Замечания архиепископа Евгения на начертание правил об устройстве миссионерского общества для распространения греко-русской веры на Кавказе, составленные архиепископом Моисеем // АКАК. Т. 8. Тифлис, 1881. №172. С. 253—260; Замечания на письмо Главнокомандующего действующей армии [генерала А. А. Вельяминова] к военному министру от 27 июля 1832 г. №67 // Кавказский сборник. Т. 7. Тифлис, 1893. С. 78—144; Записка командира Отдельного Грузинского корпуса генерал-лейтенанта А. П. Ермолова об управлении Кавказом, 1816 г. / Российский государственный исторический архив Ф. 1286. Оп. 2. 1816 г. Д. 15. Л. 1—12 // Кавказ и Российская империя... С. 261—264; Записка по поводу необходимости покорения Кавказа с изложением способов к достижению этой цели / Государственный архив Российской Федерации. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2327. Л. 1—6 // Кавказ и Российская империя... С. 153—156; Отношение А. И. Чернышева к барону Г. В. Розену от 2 октября 1832 г. №1141 // АКАК. Т. 8. Тифлис, 1881. №172. С. 351; Отношение командира Отдельного Кавказского корпуса генерала от инфантерии графа И. Ф. Паскевича к вице-канцлеру графу К. В. Нессельроде, 13 сентября 1828 г., №638 // Кавказ и Российская... С. 271—279; Секретное предписание командира Отдельного Кавказского корпуса генерала от инфантерии А. П. Ермолова генерал-майору Н. И. Лаптеву от 1 мая 1826 года. №895 // АКАК. Т. 6. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 509—511; Именной высочайший указ Князю А. И. Барятинскому, от 9 июня 1860 года. Об учреждении Общества восстановления православного христианства на Кавказе // АКАК. Т. 12. Ч. 2. Тифлис, 1893. С. 979—980; Указ Именной, объявленный Его Императорскому Высочеству Главному Начальнику Пажеского и всех Сухопутных Кадетских Корпусов,

рия источников объединяет разнообразные документы, характеризующие различные стороны исследуемой проблемы. Помимо юридической регламентации деятельности офицеров они раскрывают многие, в том числе и неофициальные, особенности характера службы, специфику боевых действий, содержат описания военно-бытовых аспектов жизни офицеров.

Значимый объем делопроизводственной документации был извлечен из фондов Государственного архива Краснодарского края²⁸. Особую ценность представляют формулярные списки и документы, раскрывающие биографии офицеров; журналы военных действий, характеризующие соответствующую сферу их жизнедеятельности.

В работе широко привлекались архивные материалы, опубликованные в тематических сборниках²⁹. В них вошли приказы, высочайшие повеления, замечания, записки, отношения, предписания, разносторонние статистические данные об офицерском составе подразделений Кавказского корпуса, списки личного состава, данные о потерях и боевых наградах. В работе были использованы семейный архив Раевских и личные собрания документов М. С. Воронцова³⁰. В результате появилась возможность ввести в научный оборот достаточно представительный «набор» источников от записок и переписки до военной документации, которая по различным причинам откладывалась в частных архивах.

Особый корпус источников составляют так называемые «полковые истории», представляющие собой пространные документированные летописи боевых подразделений. Их авторами преимущественно были военные историки, служившие в соответствующих воинских формированиях. Красочные и разносторонние описания событий они подкрепляли внушительными приложениями: делопроизводственной документацией, формулярными списками, статистическими данными, выдержками из воспоминаний, текстами полковых песен, стихов и иного литературно-художественного творчества представителей подразделений, иллюстрациями военно-бытовой повседневности. Основной упор в подобных работах делался на характеристике полковых командиров, как создателей «духа полка». Во многих полковых историях приводятся примечательные факты их боевой деятельности, описывается стиль руководства и даже некоторые оригинальные привычки.

Как уже говорилось, Кавказская война является довольно сложным историческим феноменом. Несмотря на более чем полуторавековой опыт ее изучения, в отечественной историче-

Военным Министром 19 декабря 1834 г. О присылке в Кадетские Корпуса детей почетных Мусульман Кавказского края // Ислам в Российской империи... С. 111; Указ Именной, объявленный Инспектору резервной кавалерии Военным Министром 6 июля 1854 г. О порядке командирования Мулл для исполнения духовных треб между нижними чинами Магометанского закона, служащими в резервной кавалерии и в округах военного поселения // Ислам в Российской империи... С. 155; Рапорт генерала А. И. Нейгарда князю А. И. Чернышеву от 1 августа 1843 года, №1391. (№627) // АКАК. Т. 9. Ч. II. Тифлис, 1884. С. 744—747; Рапорт генерала Е. А. Головина князю А. И. Чернышеву от 15 декабря 1838 года, №2161 // АКАК. Т. 9. Ч. II. Тифлис, 1884. С. 227—236; Копия с рапорта Господину Военному Министру Начальника Черноморской Береговой линии генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского, от 18 декабря 1840 г. №236. Архив Раевских... Т. III. С. 599—618 и др.

²⁸ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Канцелярия начальника Черноморской береговой линии. 1839—1865 гг. Оп. 1. Д. 935, 936, 963, 993, 1063, 1066, 1072, 1128, 1244, 1498, 1500, 1503, 2590; Ф. 261. Канцелярия начальника Черноморской кордонной линии Черноморского казачьего войска. 1794—1861 гг. Оп. 1. Д. 546, 2017; Ф. 263. Канцелярия воинских начальников укреплений и постов Черноморской кордонной линии. Укрепление Абинское. 1835—1854 гг. Оп. 1. Д. 4; Ф. 347. Штаб начальника Лабинской кордонной линии против правого фланга Кавказской линии. Оп. 1. Д. 1, 2, 7, 9, 15—19, 25, 27, 31.

²⁹ Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае, 1801—1885 гг. / Сост. А. Л. Гизетти. Тифлис, 1901; Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления Императрицы Екатерины II: сб. документов / Сост. Р. У. Туганов. Т. 1, 3, 4. Нальчик, 1996—2004; Кавказ и Российская империя...; Россия и Кавказ: Сквозь два столетия / Сост. Г. Г. Лисицина и Я. А. Гордин. СПб., 2001; Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20—70 гг. XIX в.): сб. арх. док-тов / Сост. Т. Х. Кумыков. Нальчик, 2001; Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю. Извлечения из «Вестника Европы» (1802—1918 гг.) / Сост. Р. А. Тлепчок, ред. Э. А. Шеуджен. М., 2010 и др.

³⁰ Архив Раевских. Т. I—IV / Изд. П. М. Раевского; ред. Б. Л. Модзалевского. СПб., 1908—1912; Архив князя Воронцова. Бумаги фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова / Сост. П. И. Бартенев. Кн. 36—40. 1890—1895.

ской науке не утихают споры по многим ее существенным характеристикам: таким как хронологические рамки, периодизация, причины, последствия войны, характер боевых действий.

В соответствии с наиболее распространенной точкой зрения, под Кавказской войной обычно понимают военные действия российской императорской армии, направленные на присоединение горных районов Чечни, Дагестана, а также Черкесии. В таких условиях ее хронологические рамки ограничиваются 1817—1864 гг.

Однако еще современники описываемых событий часто вносили в это понятие другое содержание. Так, термин «Кавказская война» впервые был введен известным российским военным историком, публицистом и высокопоставленным офицером, участвовавшим в войне на Кавказе Ростиславом Андреевичем Фадеевым в его фундаментальной работе «Шестьдесят лет Кавказской войны», изданной в 1860 г. Примечательно, что в этой и других работах сам автор указывал, что обширность региона, этническая пестрота и разнообразие природных условий определили то, что война на Кавказе представляла для России совокупность множества мелких локальных войн: «война в восточных горах», «война в западных горах», «черкесская война», «шапсугская война», «мюридическая война» и т. д. Кроме того, помимо обобщенного термина «Кавказская война» автор употребляет ее аналог – «Горская война». Разнились и ее хронологические рамки от 1817—1864 до 1801—1864 гг.

Сложность феномена боевых действий России на Кавказе в интерпретации последующих историков выразилась в некотором размывании термина. Появились и другие альтернативные наименования: «Кавказские войны», «покорение Кавказа», «завоевание Кавказа», «умиротворение Кавказа», «война на Кавказе». В конце XX в. появился даже термин «Русско-Кавказская война». Помимо этого звучали мнения о расширении географии и хронологических рамок боевых действий за счет включения в них новых регионов Кавказа (в частности Кабарды).

С учетом существующих противоречий было принято решение о расширении хронологических рамок исследования по сравнению с традиционной датировкой войны (1817—1864 гг.). В данной работе автор охватывает события с 1763 по 1864 г.

Отправной точкой стало основание российскими властями крепости Моздок. Данное событие ознаменовало начало планомерного строительства крепостей и укреплений на сопредельной территории России и Кавказа (Азово-Моздокская, Кубано-Черноморская, Кизлярская и другие линии) и начало системного поступательного расширения российских владений в регионе. Одновременно происходило пропорциональное увеличение численности российских войск.

Конечная дата соотносится с официальным завершением Кавказской войны в 1864 г., когда Россия установила прочную власть над всем Кавказом.

Выбранный промежуток времени позволяет более целостно оценить процесс изменения ментальности российских офицеров, участвовавших в боевых действиях на Кавказе в период его присоединения к России. Он в наибольшей степени соответствует планомерной эскалации конфликта и эволюции «кавказской ментальности» российских войск. Ведь «погружение» российского военного сообщества в «кавказские реалии» произошло гораздо раньше разворачивания боевых действий в горных районах Чечни, Дагестана и Черкесии. При этом признается, что именно в 1817—1864 гг. наблюдалась наивысшая форма эскалации конфликта, а также тот факт, что война в перечисленных районах заметно отличалась от присоединения Предкавказья, Кабарды, Осетии, Ингушетии или Закавказья.

Также следует отметить, что во время присоединения Кавказа российские войска в регионе составляли особые территориально-оперативные воинские формирования («Кубанский», «Астраханский», «Новолинейный», «Кавказский», «Каспийский», «Отдельный Грузинский», «Отдельный Кавказский» корпуса, а также «Кавказская армия»). Для упрощения терминологии в данном исследовании вся совокупность российских войск, постоянно дислоцировавшихся на Кавказе (сюда не входят подразделения, временно присылаемые на Кавказ, для

решения локальных задач без вхождения их в состав местных оперативно-территориальных воинских формирований), именуется «Кавказский корпус».

Данная книга основана на материалах кандидатского диссертационного исследования, защищенного автором в 2013 г. в диссертационном совете по историческим наукам при Адыгейском государственном университете. Автор выражает благодарность своему научному руководителю доктору исторических наук, профессору Эмилии Аюбовне Шеуджен.

Глава 1. Теоретико-методологические вопросы

1.1. Основные подходы к изучению ментальности

Исследование столь многогранного феномена, как ментальное состояние российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне, предопределяет необходимость обращения к сложившимся общим теоретико-методологическим подходам в изучении различных элементов темы.

Фундаментальные основы общих и прикладных вопросов истории ментальностей были разработаны представителями французской исторической школы «Анналов». Еще в 1930-х гг. ее основатели Л. Февр и М. Блок повернули историческую науку от исследования объективных социально-экономических отношений к анализу духовной жизни людей, к поиску устойчивых структур их сознания. основополагающим принципом, выдвинутым французскими исследователями школы «Анналов», является понимание эпохи, исходя из нее самой, без оценок и мерок чуждых ей по духу времени. По их мнению ментальность представляет собой сложный феномен человеческой психики, объединяющий такие понятия как «умонастроение», «мысленные установки», «склад ума» и «видение мира». В целом это уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций и латентных привычек³¹.

Несколько позднее ментальность попала в сферу изучения отечественных исследователей (А. Я. Гуревич, Ю. М. Лотман, Л. Н. Пушкарев и др.)³². По их мнению «ментальность» представляет собой совокупность сознательных и бессознательных представлений, воззрений, «чувствований» людей определенной эпохи, социальной среды, которые влияют на исторические и социокультурные процессы, т.е. «ментальность» – некая интегральная характеристика людей, живущих в отдельной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающей среды и объяснить специфику их реагирования на нее³³. Столкнувшись с неопределенностью явления, они считали необходимым сформировать так называемую «рабочую область», «рамки» понятий, применимые для исследования конкретной проблемы.

В общенаучном контексте изучение ментальной сферы позволило «очеловечить» историю, переместить внимание исследователей с «великих» людей на сферу коллективного действия³⁴. Появилась идея, что историк должен научиться различать в каждой конкретной исторической эпохе уникальные модели поведения, вбирающие в себя определенные характеристические представления³⁵.

Для адекватной интерпретации существенных механизмов ментальности полезными оказались психологические концепции, выработанные для исследования «человека на войне». Важное значение имеют некоторые идеи бихевиоризма (подхода, положившего в основу изуче-

³¹ Гуревич А. Я. Исторический синтез... С. 59—61.

³² Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры ...; Он же. Проблема ментальностей в современной историографии... С. 75—89; Он же. Исторический синтез ...; Лотман Ю. М. Указ. соч.; Пушкарев Л. Н. Что такое менталитет... С. 158—166; Он же. Источники по изучению менталитета... С. 319—333 и др.

³³ Коупленд Н. Психология и солдат / Пер. с англ. А. Т. Сапронова и В. М. Катеринича. 2-е изд. М., 1991; Акопов Г. В., Иванова Т. В. Феномен ментальности как проблема сознания // Психологический журнал. 2003. Т. 24. №1. С. 47—55; Ануфриев Е. А., Лесная Л. В. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал. 1997. №4. С. 28—44; Гуревич А. Я. Проблема ментальностей... С. 75—89; Пушкарев Л. Н. Что такое менталитет?... С. 158—166 и др.

³⁴ История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / Сост. Е. М. Михина. М., 1996. С. 5—6.

³⁵ Шеуджен Э.А. Историческое знание и историческая память: западноевропейская традиция взаимообусловленности. Майкоп, 2012. С. 185.

ния психологии анализ человеческого поведения); в определенной мере примыкающей к нему теории «установок» (Д. Н. Узнадзе)³⁶; научные течения, занимавшиеся изучением мотивации, а также психологии «бессознательного» в контексте психоаналитического направления (К. Юнг, Э. Фромм)³⁷; концепция «психоанализа» (З. Фрейд)³⁸. Особое значение для проблематики исследования имеет такая прикладная область психологической науки, как «психология выживания в экстремальных ситуациях»³⁹.

Учитывая направленность исследования на изучение ментальности людей, чья жизнедеятельность протекает в специфических условиях военного времени, весьма полезным представляется опыт военно-исторической психологии и антропологии. Исследователи данной области научного знания выделили основные характеристические особенности военных, отличавшие их от остального населения, определили наиболее важные факторы среды, трансформировавшей их сознание. Кроме того, они поставили проблему диалектических противоречий в поведении людей, находящихся в экстремальных условиях⁴⁰.

Ментальность, бесспорно, является чрезвычайно объемным понятием и в то же время сложно различимым феноменом духовного мира человека. По словам А. Я. Гуревича, она «пронизывает всю человеческую жизнь человека, присутствуя на всех уровнях сознания и поведения людей, а потому так трудно её определить, ввести в какие-то рамки»⁴¹.

Историки, изучающие ментальность, имеют дело с тремя разными формами человеческого сознания и поведения: категориями мышления (мировоззренческие установки), нормами поведения и сферой чувств⁴². При этом носители ментальности не всегда могут ее выразить словесно, считая само собой разумеющимся качеством.

Структурной единицей ментальности выступает «идеальный образ» – образно оформленный идеал, к которому стремится носитель ментальности. Идеальный образ может быть взят из сферы рационального, иррационального сознания или синтезирован из обеих сфер⁴³.

Отмечая эти обстоятельства важно подчеркнуть, что именно в расплывчатости предмета исследований заключается сильная сторона истории ментальностей. Последователи данного направления пытаются выявить упускаемый другими науками «осадок» исторического прошлого, стремятся отыскать нечто ускользающее. За это свойство историю ментальностей нередко образно называют «историей на перекрестке», «двусмысленной историей»⁴⁴.

Ментальные установки имеют идеализированный, усредненный характер. Проявление таких ментальных установок как патриотизм, честь, социальная идентификация, образ противника практически всегда имеют модификации у отдельных индивидов.

Ментальные черты не являются монополией отдельной группы. Одни и те же особенности могут возникать у людей не контактировавших, но имеющих схожие условия жизнедеятельности (ментальнообразующие факторы). Так, религиозность свойственна многим нациям

³⁶ Узнадзе Д. Н. Теория установки. М., Воронеж, 1997.

³⁷ Фромм Э. Бегство от свободы / Пер. с англ. А. Лактионова. М., 2009; Юнг К. Г. Психологические типы / Пер. С. Лорие (под ред. В. Зеленского) СПб., 2001 и др.

³⁸ Фрейд З. Психоаналитические этюды / Сост. Д. И. Донской, В. Ф. Круглянский. Минск, 2010; Он же. Основные психологические теории в психоанализе / Пер. М. В. Вульф, А. А. Спектор. М., 2006 и др.

³⁹ Самоукина, Н. В. Экстремальная психология. М., 2000 и др.

⁴⁰ Караяни А. Г. Психология войны: постановка проблемы с позиций военно-психологической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 38—59; Сенявская Е. С. Военная антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 5- 22.

⁴¹ Гуревич А. Я. Исторический синтез... С. 195.

⁴² Михина Е. М. История ментальностей. К реконструкции духовных процессов. Сборник статей под. ред. У. Рауфмана // История ментальностей, историческая антропология... С. 39.

⁴³ Лутцев М. В. Указ. соч. С. 107.

⁴⁴ Шеуджен Э. А. Историческое знание и историческая память... С. 192.

и цивилизациям (например, русским, итальянцам, арабам), которые постоянно подвергались внешней угрозе.

Объемное представление о феномене ментальности, «пронизывающее» всю жизнь «человека войны», поставило перед автором этой работы непростую проблему введения предмета исследования в конкретные «рабочие» (прикладные) рамки. Поэтому следует выделить наиболее важные элементы ментальности, характеризующие российское офицерство как уникальную социальную категорию.

Учитывая особенности Кавказской войны, особое значение приобрело осмысление таких мировоззренческих характеристик ментальности как: идентификация в социальном пространстве; восприятие боевой обстановки; восприятие и переживание смерти; отношение к местности и природе; понимание соотношения индивида и коллектива; представление о соотношении радости и страдания; отношение к труду, богатству; критерии ценностей (честь, стыд, материальные и духовные богатства); оценки права и обычая, их роли в жизни общества; понимание власти, господства и подчинения, интерпретация понятия свободы⁴⁵.

Несомненно важным является выделение моделей поведения и специфики образов мышления. В принципе большинство из них являются проявлениями соответствующих мировоззренческих установок, но по факту они имеют более сложную систему функционирования. Здесь переплетаются и мировоззренческие установки, и темперамент, и эмоциональная составляющая, и главное – схема приоритета выбора из аналогичных мировоззренческой установок. Наглядно это демонстрируется в условиях боя. Человеку приходится выбирать между такими ценностями, как «боевое братство», интересы государства, которые он отстаивает и своей собственной жизнью. Не менее важно и эмоциональное реагирование – страх, агрессия, уравновешенность, чувство долга.

Частью ментальности являются особенности темперамента и профессиональные способности. Последнее является производной от ценностей, которые прививались в обществе на протяжении целых поколений. Для военных, как носителей социально-профессиональной ментальности, это имеет немаловажное значение, определяющее их образ жизнедеятельности. При этом не стоит забывать, что воинские традиции народов, формировавших офицерский корпус российской армии, были весьма различны. Например, казаки и горцы считались искусными, но импульсивными наездниками, а русская регулярная кавалерия отличалась большей стойкостью, дисциплинированностью, уравновешенностью и решительностью.

Многие ментальные установки имеют весьма сложную мировоззренческую основу. Преимущественно они лежат в особенностях повседневного существования: в жилищных условиях, в питании, в гигиене, в физическом самочувствии и т. п. Конечно, перечисленные категории бытовой культуры не новые для историков темы, но при таком подходе они предстают в виде фундамента для воссоздания «нематериальной» сферы человеческого бытия: исследователи стали более тонко реконструировать многогранную эмоциональную и духовную жизнь, обнаружили удивительные, до того скрытые «личностные» пласты исторического прошлого⁴⁶.

При построении моделей ментальности необходимо учитывать динамичность этого феномена. Несмотря на признанную инертность ментальности (основные мировоззренческие установки относительно тяжело подвергаются пересмотру⁴⁷), она, как и другие свойства психики человека, модифицируется в зависимости от изменения широты деятельности человека и смены воздействия ментальнообразующих факторов.

⁴⁵ Гуревич А. Я. Проблема ментальностей... С. 85—86, Пушкирев. Л. Н. Что такое менталитет?... С. 160—161.

⁴⁶ Михина Е. М. Указ. соч. С. 39.

⁴⁷ Михина Е. М. Указ. соч. С. 41, 42; Филд. Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996. С. 13, 14.

Радикальные изменения ментальности происходят преимущественно под воздействием экстремальных ситуаций и при кардинальной смене среды обитания, противоречащих ранее сложившимся установкам. Они, по сути, переворачивают все мировоззрение человека «с ног на голову». В момент подобного события «ум задумывается над собой», происходит проверка индивидом коллективной ментальности на прочность. Экстремальность «требует» от человека «психологической мобилизации резервных возможностей организма и специальных мер по последующему их восстановлению»⁴⁸.

Процесс изменения ментальности происходит эволюционным или революционным путями, а также в прогрессивном или регрессивном направлениях. Причем генезис ментальности может происходить одновременно в нескольких направлениях. При любых изменениях одни элементы отмирают, а их место занимают другие, более приспособленные к новым условиям жизнедеятельности. При стабилизации внешней среды и общественного развития происходит стабилизация ментальности, она «окостеневает», приобретая «классическую» форму⁴⁹.

Формирование и передача ментальности происходит в процессе «вхождения» человека в определенную среду. Данный процесс перманентен и протекает в течение всей жизни субъекта опосредованно через семью, систему образования, другие общественные институты. Заметные ускорения происходят в переломные этапы становления личности, а также под воздействием экстремальных условий, в частности, для офицерского состава таковыми являются изменение среды обитания, «боевое крещение», ранение и др. Соответствующими психологическими сюжетами буквально переполнены написанные ими воспоминания: здесь довольно часто встречаются отображения восприятия новой для них окружающей действительности, переживания смерти товарищей, личного участия в бою, первые встречи с противником. Именно благодаря им удалось получить сведения об эмоциях, выявить психологические составляющие коллективного и индивидуального сознания, причинно-следственные связи формирования ментальных особенностей и их видоизменение при вхождении офицеров в среду, приспособление к ней, освоение новых социальных ролей и функций.

Понятие «экстремальный» является весьма субъективной дефиницией. Так она объединяет все «выходящее из рамок обычного, чрезвычайного по сложности, трудности, опасности», а также «достигшее наивысшей, предельной точки»⁵⁰. При этом следует учесть, что «экстремальности» как таковой в природе не существует (если ее рассматривать в отрыве от человека). Из всех природных явлений экстремальными можно назвать только те, которые совершенно определенным образом отражаются в психике человека. Одни и те же условия могут являться для одних людей экстремальными, а для других – ничем ни примечательной обыденностью. Все зависит от особенностей конкретного индивида⁵¹.

Показателем завершенности «кавказской» модификации ментальности российского офицерства является факт признания (часто неосознанного) носителем ранее новых для него условий обыденными⁵². Эволюция ментальности особенно заметна при анализе дневников,

⁴⁸ См: Мильман В. Э. Стресс и личностные факторы регуляции деятельности // Стресс и тревога в спорте М., 1983. С. 24—46; Баткин Л. О том как, А. Я. Гуревич возделывал свой аллод // Баткин Л. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. М., 1994. С. 93; Зазыкин В. Г. Деятельность специалистов в особых условиях (психолого-аксиологические основы). М., 1994. С. 102.

⁴⁹ Лутцев М. В. Указ. соч. С. 109—112.

⁵⁰ Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 1518.

⁵¹ Попов В. Е. Психологическая реабилитация военнослужащих после экстремальных воздействий (на материале землетрясения в Ленинанкане, межнационального конфликта в Фергане и боевых действиях в Афганистане): дис. ... канд. психол. наук 19.00.05. М., 1992. С. 12.

⁵² Антипов В. В. Психологическая адаптация к экстремальным условиям. М., 2002. С. 10—11.

воспоминаний, писем офицеров, ведшихся до и во время пребывания на Кавказе. Если по прибытию на Кавказ они отмечали его особенности и специфику местных офицеров, то уже через несколько дней или месяцев они делились своими переживаниями при совершении событий, ломавших их воззрения (первое назначение в экспедицию, первое участие в бою, гибель сослуживцев; встречи с неприятелем и т.п.). Еще через некоторое время автор источников даже не обращает внимание на специфичность среды и просто повествует о примечательных событиях, исчезает ранее имевшаяся отстраненность по отношению к ветеранам Кавказского корпуса, и напротив, она появляется в отношении к коллегам из других частей империи.

При выявлении природы ментальности, причинно-следственных связей ее формирования, следует рассмотреть некоторые общетеоретические аспекты. Так, важно отметить, что ментальность не оказывает абсолютного влияния на поведение человека. Она склоняет, но не предопределяет. Порой даже самые устойчивые ментальные установки при определенных обстоятельствах могут подавляться достаточно сильными эмоциональными порывами и общечеловеческими инстинктами. Относительность и противоречивость поступков людей в экстремальных условиях войны в своих «Опытах» подметил еще великий французский мыслитель М. Монтень: «тот, кого вы видели вчера беззаветно смелым, завтра окажется низким трусом... Ведь речь здесь идет не о чувствах, порожденных рассудком и размышлением, а о чувствах, вызванных обстоятельствами. Что удивительного, если человек этот стал иным при иных, противоположных обстоятельствах?»⁵³. Подобные наблюдения были зафиксированы и среди офицеров, участвовавших в Кавказской войне. Примечательно, что наблюдатели и сами герои подобных эпизодов дифференцировали поведение в зависимости от конкретных обстоятельств. Проявление малодушия в бою не всегда расценивалось как трусость и, напротив, неадекватная смелость могла вызывать осуждение.

Основной задачей историка изучающего ментальности ставится реконструкция «духа времени», которая достигалась посредством обнаружения тех мысленных процедур, способов мировосприятия, привычек сознания, которые были присущи людям изучаемой эпохи и о которых сами эти люди могли и не отдавать себе ясного отчета, применяя их автоматически, не рассуждая о них, а потому не подвергая их критике⁵⁴.

Историки ментальностей считают, что первостепенным действием является воссоздание «исторической атмосферы» (реальности, среды), в которой происходило формирование взглядов людей⁵⁵. Анализу должны быть подвергнуты основные элементы исторической среды: естественно-географические, этнические, политические, социально-экономические, культурные, бытовые условия проживания субъекта ментальности, а также его историческая память и религиозные верования.

Среда чрезвычайно многомерна, поэтому в результате параллельного воздействия различных факторов воздействия создаются отличные типы ментальности, одновременно присущие отдельному субъекту. Исследователи выделяют четыре основных категории ментальности: культурно-цивилизационную, национальную, религиозную, социальную. Последняя весьма дисперсна и зависит от дифференциации общества по условиям, профессиональной деятельности и т. д.⁵⁶

⁵³ Монтень М. Опыты: Избранные произведения в 3-х томах. / Пер. с фр. А. С. Бобовича. Т.2. М., 1992. С. 9.

⁵⁴ Гуревич А. Я. Исторический синтез... С. 48.

⁵⁵ Там же. С. 45.

⁵⁶ Лутцев М. В. Указ. соч. С. 47, 61.

Фельдфебель Кабардинского полка Василий Иванов. Литография XIX в.

Учитывая особенности среды, формировавшей ментальность офицерского корпуса на Кавказе, следует условно разделить ее на два уровня. Первый – «базовый» – представляет собой совокупность ментальных установок, свойственных российским офицерам накануне их попадания на Кавказ. К ним следует отнести черты, характерные для тех социальных структур, из которых формировалось офицерство (по национальному, культурно-цивилизационному, религиозному, сословно-иерархическому, военно-профессиональному критериям).

Второй – «надстроечный» имеет принципиальное значение для данного исследования. Это те специфические особенности, которые трансформировались или даже создавались

исключительно под воздействием факторов Кавказской войны. Субординация и координация связей между элементами двух уровней очень сложна и опосредована обилием переходных форм. Это многообразие, переплетенное в едином организме связей, порождает неразъемную целостность ментальности как системы, причем системы не замкнутой, а открытой.

К «базовым» моделям, где «выковывались» особая ментальность офицеров следует отнести армию, коренным образом модифицирующую духовный мир человека. Армия по своей природе представляет собой социокультурный институт, функционально ориентированный на жизнедеятельность в жестких условиях войны.

Война представляет собой наивысшее испытание сил и возможностей человека. «Стихия, в которой протекает военная деятельность, – писал знаменитый немецкий военный теоретик XIX в. К. Клаузевиц, – это опасность»⁵⁷. Война является «крайней степенью применения насилия», выражаемой в постоянных убийствах себе подобных, грабежах, надругательствах над беззащитными и многими другими чудовищными явлениями⁵⁸. Самые сильные чувства, напряжение ума и воли, любовь и ненависть, радость и страдание, подъем и упадок сил человек испытывает на войне.

Во время участия в боевых действиях на человека воздействует целый ряд специфических факторов («боевых стрессоров»), среди множества которых следует выделить основные, оказывающие максимальное воздействие на ментальность людей⁵⁹. Главной «неожиданностью», с которой нормальный человек сталкивается на войне, заставляющей его по новому смотреть на мир, является повсеместное и обыденное нарушение естественных «общечеловеческих заповедей». То, что в повседневной жизни «мирного» жителя является преступлением, на войне не только разрешается, но и поощряется, становясь главной целью жизнедеятельности⁶⁰.

Примечательно, но вполне закономерно, что армия целенаправленно уничтожает значительную часть прежних ментальных установок. Радикально трансформируются представления о нормах морали и поведения, понятия о свободе человека. Вся жизнедеятельность воина протекает в обстановке суровых военных законов и строжайшей дисциплины.

Процесс адаптации к экстремальным условиям сопровождается выработкой у военных особого склада характера, мировоззренческих установок и качеств. Для военных характерны качества, выделяющие их в повседневной мирной жизни. К таковым, например, можно отнести дисциплинированность, бытовое единообразие, субординацию, жесткость и главное специфичное логическое мышление. В армейской среде зародилось такое легендарное понятие как воинская честь, считавшееся наивысшей ценностью человека. Военным свойственны такие черты характера, как сильная воля, храбрость, упорство, жизнелюбие, самопожертвование. Военные традиционно отличаются сильным здоровьем, придающим дополнительную уверенность в своих силах.

«Священной идеей» армии (не наемной) является идея вооруженной защиты Отечества. Понятия Родина, патриотизм, верность Отечеству занимают центральное место в менталитете российского народа и армии. В воинских уставах с петровских времен установилось, что воин должен служить «вере, царю и Отечеству».

Государственная (военная) служба в духовно-моральной интерпретации военных представляет собой особый беспредельный долг. Государству и народу в случае войны армия в идеальном варианте должна отдавать столько, сколько потребует для победы. А это значит, что

⁵⁷ Клаузевиц К. О войне / Пер. с нем. А. Рачинского. 3-е изд-е. М., 1936. Т.1. С. 51.

⁵⁸ Клаузевиц К. Указ. соч. С. 34.

⁵⁹ См: Клаузевиц К. Указ. соч.; Малкина-Пых И. Г. Указ. соч. С. 34—37, 52—57, 502—511; Подоляк Я. В. Практические вопросы военной психологии // М., 1987; Коупленд Н. Указ. соч.; Столяренко А. М. Экстремальная психопедагогика. М., 2002; Кадыров Р. В. Указ. соч. С. 21.

⁶⁰ Сенявский А. С. Указ. соч. С. 50—65.

в случае войны воин имеет только одно право – сражаться, беспрекословно выполняя воинский долг, а в дни мира – морально готовиться к этому.

Надо заметить, что в различных культурно-цивилизационных общностях степень самоотверженности при исполнении долга весьма различны. Так, одной из ментальных особенностей русского народа и соответственно армии является жертвенность. В текстах воинской присяги российской армии в первой половине XIX в. фиксировалось, что присягающий должен защищать свое Отечество и Самодержца «не жалея живота своего»⁶¹. Но жертвенность российских воинов, у которых прослеживалось обостренные чувства совести и справедливости, шла гораздо дальше официальных регламентаций, и распространялась на всех беззащитных. Не редки были случаи, когда офицеры и солдаты, рискуя собой, спасали своих врагов, при недостатке провианта делили с военнопленными последний кусок хлеба.

Основы жертвенности в российской армии были заложены религиозным отношением к жизни и смерти. Земная жизнь, как по славянско-языческим, так и православным канонам, являлись ничем иным как подготовкой к вечной «неземной» жизни. Смерть в бою считалась достойной. Кроме того, весьма трагическая историческая память, наполненная фактами постоянных иноземных вторжений, несущих множество бедствий, выработала в российском обществе весьма жесткие требования к защите Родины. Воин должен отдать все силы, включая собственную жизнь. Трусов, бежавших с поля боя или сдавшихся в плен в России традиционно презирали.

Для сравнения следует заметить, что казалось бы вполне рациональная жертвенность не является интернациональной чертой всех армий. В западно-европейской цивилизации, где приоритет прав человека господствует уже не одно столетие, его право на жизнь дает возможность выбирать: спасти самого себя или сопротивляться противнику до конца. В случае, если складываются неблагоприятные объективные причины (отсутствие помощи своих войск, нехватка боеприпасов, продовольствия), военнослужащим не возбраняется сдаться в плен более сильному противнику. Ничего предосудительного в этом не находилось. Жизнь людей ставится выше всех прочих идеалов, за которые стоит сражаться⁶².

В число атрибутов армейской ментальности входят такие качества как терпение, стойкость, постоянная готовность нести тяготы и лишения. Так, в современном уставе Внутренней службы говорится: «...Военнослужащий обязан стойко переносить трудности военной службы»⁶³. Подобная формулировка обязанностей опирается на обычаи и традиции царской армии, где офицеры должны были «телом и кровию» служить России⁶⁴.

Терпение и стойкость российских воинов являются поистине легендарными. Воинская служба приучает людей к лишениям, но в России эти лишения и тяготы всегда были обыденной реальностью, без которой военное ремесло невозможно. Во многом это объяснялось жизнедеятельностью в суровых северных условиях. Но духовная основа терпения пролегает и в религиозной сфере. Православная доктрина трактует терпение и моральную стойкость как одни из высших добродетелей.

⁶¹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д 1128. Л. 7 об.

⁶² Лутцев М. В. Указ. соч. С. 140.

⁶³ Общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации. М., 1994. С. 12.

⁶⁴ Артикул воинский 1715 г. // Военной устав... С. 94—95.

Важным столпом военнослужащего является воинская дисциплина и строгая регламентация всех аспектов жизнедеятельности. Именно дисциплина, ее абсолютность с беспрекословным подчинением нижестоящего своему начальнику обеспечивают высокую боеспособность российской армии на всех этапах ее существования.

Дисциплина воинская, на которой держится любая армия, является производной от дисциплины политической, существующей в обществе. Учитывая авторитарный характер российского общества, можно утверждать, что воинская дисциплина, как часть дисциплины общественной, не навязана российскому воину государством «извне», она исходит от самого человека как представителя своего общества, от его внутренней сущности. Попытки насаждения в российской армии механистической дисциплины, глубоко чуждой «русскому национальному менталитету», вели к дисбалансу внутренних мировоззренческих структур военнослужащего, к духовной стагнации и даже деградации его личности. Только осознание военным причины подчинения командиру позволяет ему быть адекватно дисциплинированным, чего требует от него армия и общество.

Важно подчеркнуть, что ментальность многомерна и различна у разных социальных групп. Поэтому воссоздание ментальности российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне, производится путем «сложения» отдельных судеб в особые микрогруппы, под которыми понимаются общности людей со схожими ценностно-мировоззренческими и поведенческими установками. Все это позволило более адекватно отразить обобщенный образ ментальности, проследить устойчивость «кавказских» элементов у различных категорий офицеров. Исходя из этого, при изучении ментальности офицерского корпуса на Кавказе необходимо произвести их типологизацию, определить принадлежность к соответствующим категориям общества, а также использовать накопленный опыт исследований соответствующих типов ментальностей.

Армия характеризуется довольно сложной и строгой иерархической структурой. С момента появления регулярных вооруженных формирований была выработана система чинов и должностей с безоговорочной регламентацией подчинения младших старшим.

На иерархическую систему армейской соподчиненности напрямую влияла социальная структура общества. Как правило, наиболее привилегированные слои общества (в данном случае дворяне) стремились монополизированность командный (офицерский) состав, а подчиненными (солдатами) в свою очередь преимущественно являлись представители низших слоев общества.

У военных четко прослеживается особая идентификационная система взаимоотношений в социальной среде. Все люди делятся по принципу «свой – чужой» на «военных» и «гражданских» («штатских»). Уникальный набор качеств, выработанных в результате адаптации к экстремальным условиям, способствовал сплочению военных в «боевое братство», в котором интересы коллектива являются наивысшей ценностью, а предательство товарищей считается тягчайшим преступлением⁶⁵. «Гражданские» воспринимаются двойственно. С одной стороны они подвергаются различным унижениям, а с другой – профессиональные военные испытывают чувство долга по защите мирного населения.

В среде военных прослеживается внутренняя дифференциация, определяемая родом деятельности и отражающая специфику ментальности. В соответствии с ней офицеры, участвовавшие в Кавказской войне, делятся на три группы: «боевые» (т.н. комбатанты), непосредственные участники боевых действий, «штабные» – по большому счету теоретики, занимавшие руководящие должности направляющие деятельность войск и «тыловые» – занимались обеспечением войск. Представители двух последних групп участвовали в боевых действиях лишь при крайней необходимости, что значительно снижало проявление специфической ментальности.

⁶⁵ Подоляк Я. В. Указ. соч. С. 131.

Эти группы имеют различные модификации армейской ментальности. Так, наибольшим рядом специфических ментальных особенностей профессиональных военных обладали представители первой группы. Обычно они были лишены абсолютных биологических, психологических, моральных, религиозных ограничений на проявление агрессии и обладали потенциальной способностью к физическому уничтожению себе подобных. Если какие-либо сдержки (в виде совести, веры, страха и др.) преобладали в сознании человека, то он избегал участия в насилии над другими людьми путем прямого отказа, дезертирства, членовредительства, самоубийства, переходе на тыловые должности и т. д.⁶⁶

Представители двух других групп занимали промежуточное положение между ментальностями мирного населения и боевых военных. Промежуточность ментальности также свойственна людям, для которых военная служба или пребывание в боевых условиях носит временный эпизодический характер (ополченцы, мобилизованные военнообязанные, часть волонтеров, юнкеров и др.).

У людей абсолютно адаптированных к войне возникает ее романтизация, с которой связана своеобразная этика войны, с присущими ей «рыцарями» и «джентльменами». Правда романтизация, при которой жестокость и агрессивность минимизированы, происходит в том случае если физически и психологически подготовленные воины с устойчивой психикой адекватно воспринимают реальность. Участие в боевых действиях не за свои интересы, в которые человек подсознательно включает интересы своего народа (как подсознательное расширение семьи) и Отечества (расширение дома), также способствуют уменьшению проявления агрессии и жестокости. Так, К. Клаузевиц считал, что разум и цивилизованность снижают степень насилия в войне⁶⁷, но это утверждение было опровергнуто кровавыми войнами (в первую очередь колониальными), развязанными именно «цивилизованными» государствами.

Примечательной особенностью ментальности военных является значительность влияния на их формирование пассионарных личностей. В результате особого «боевого сплочения», догматического воздействия воинских уставов и внутривойсковой иерархии политическое руководство, командиры подразделений нередко значительно трансформировали ментальность подчиненных. Так, известный «суворовский дух» российской армии конца XVIII в. был фактически создан благодаря решительной воле великого полководца, сумевшего создать и распространить среди подчиненных особую ментальность, основанную на лучших национальных чертах русского народа. Роль личности и деятельности А. В. Суворова бесспорна, в том числе тем, что начиная со второй четверти XVIII в. российскими правителями армии навязывалась совершенно иная «пруская» военная традиция.

На Кавказе, где власть командующих была практически неограниченной, влияние пассионарных личностей на характер офицеров проявлялось особенно ярко. Образ «кавказского офицера» во многом сложился благодаря деятельности А. П. Ермолова, чья власть среди подчиненных носила поистине царский характер⁶⁸. Стремясь адаптировать российскую армию к кавказским реалиям, он закрывал глаза на неисполнения многих норм общероссийского военного законодательства. Более того, он являлся инициатором многих заимствований у горских народов как в материальной, так и в духовной сферах.

Важным социальным аспектом армейской системы является ее монополизированность мужским сообществом. Данный факт вносит значительные коррективы в трансформацию ментальных установок. Нравы значительно огрублялись. Терялся особый этикет взаимоотношения с прекрасным полом. Высокие духовные начала подменялись практическими соображениями.

⁶⁶ См.: Коупленд Н. Указ. соч. М., 1991.

⁶⁷ См.: Клаузевиц К. Указ. соч. Т.1.

⁶⁸ Записка командира Отдельного Грузинского корпуса генерал-лейтенанта А. П. Ермолова об управлении Кавказом, 1816 г. / Российский государственный исторический архив Ф. 1286. Оп. 2. 1816 г. Д. 15. Л. 1—12 // Кавказ и Российская империя... С. 261—264; Экштут С. Алексей Ермолов... С. 33.

Принципиальной значимостью среди всех факторов среды, оказывающих радикальное воздействие на ментальность офицерского состава на Кавказе, обладал такой исторический феномен как Кавказская война. В целом она представляла собой совокупность ряда ментальнообразующих факторов.

Российское офицерство столкнулось на Кавказе с рядом весьма специфических для себя условий жизни. К ним относятся перманентность, продолжительность и партизанский характер сопротивления, ранее не известные российской армии, а также весьма контрастные по отношению к остальной территории страны природно-климатические и ландшафтно-географические Кавказа имело уникальную самобытную культуру; морально-нравственные, политические и социально-экономические основы их жизнедеятельности коренным образом отличались от российских реалий.

При выявлении латентных характеристик ментальности людей прошлых эпох необходим особый подход к анализу источников. В центре внимания оказываются материалы, демонстрирующие не столько фактологический ряд событий, сколько особенности их протекания. На первый план выходят нематериальные (ритуалы, обычаи, традиции, игры) и материальные (одежда, оружие, жилищно-бытовые атрибуты) аспекты жизнедеятельности людей, являющиеся носителями знаковых систем, отражающими наиболее характерные черты моделей поведения, а также особенности мировоззрения и логики мышления. Среди письменных источников, бесспорно, наиболее значимыми являются источники личного происхождения, в наибольшей степени передающие чувства и мышление авторов, являющихся непосредственными участниками событий⁶⁹.

Особое значение в источниковедческом анализе имеет определение особенностей языка, как наиболее чувствительного показателя изменения сферы деятельности и интересов людей. Появление, видоизменение или отмирание определенных терминов свидетельствует о динамических изменениях ментальности в соответствующих сферах деятельности человека.

Об эмоциональной составляющей ментальности, а также характере нравов свидетельствуют особенности досуга. Именно во время совершения отдыха и развлечений человек раскрепощается и «выводит наружу» свои потаенные желания. Степень активности форм досуга характеризует особенности темперамента.

Таким образом, проведенный обзор опыта изучения проблем ментальности позволил сформировать общетеоретические подходы к пониманию сознания людей. И теперь можно приступить к описанию особенностей среды формировавших уникальные ментальные черты офицерского состава российской армии, появившихся во время участия в Кавказской войне.

⁶⁹ Пушкарев Л. Н. Источники по изучению менталитета... С. 329.

1.2. Особенности исторической среды

Исследование ментальности офицеров, участвовавших в Кавказской войне, невозможно без анализа факторов оказывающих наибольшее влияние на формирование их уникальных особенностей. Для этого нам необходимо определить общие и уникальные особенности офицерства как социальной группы российского общества, выделить и охарактеризовать основные условия исторической реальности, в которых происходило их формирование, в особенности протекающих из характера боевых действий на Кавказе.

Как социальная группа российское офицерство представляло собой особую военно-профессиональную группу людей, получивших специальную подготовку, подкрепленную особой иерархической системой званий и должностей. В период Кавказской войны формирование офицерского корпуса производилось преимущественно из выпускников специальных военных заведений, выслужившихся простых солдат, также существовала практика привлечения иностранцев, имеющих соответствующую подготовку.

Офицерство являлось элитой общества, что закреплялось преференцией государства, требовавшего взамен высоких боевых и личностных качеств. В Российском государстве, имеющем значительные территории и протяженные границы, статус и обязанности офицера были намного значительнее, чем в большинстве других стран мира. Так, одним из главных требований, предъявляемых к офицерскому составу еще со времен Петра I, был высочайший нравственный ценз⁷⁰. В среде офицеров существовал неформальный «кодекс чести», в основу которого были положены такие ценности как беспредельная преданность долгу, самопожертвование, благородство, мужество, верность слову, достоинство и т. п.

Благодаря весьма демократичной для своего времени системе комплектования в офицерском корпусе были представлены все социальные группы населения страны. Поэтому в офицерской среде существовали категории, являющиеся носителями соответствующих видов ментальности (национальной, религиозной, сословной и т.п.).

⁷⁰ Баранов Н. А. Исторические тенденции и пути формирования менталитета российских военнослужащих // [Электронный ресурс]. – URL: [битая ссылка] <http://nicbar.narod.ru/statia12.htm> (дата обращения: 15.12.2010).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.